

известил его об опасности» [3, с. 194]. Однако, во второй половине дня монгольские отряды «словно в хороводе», окружили весь лагерь венгров. Монголы стали со всех сторон пускать стрелы, а потом решили поджечь лагерь по кругу. Таки образом, монголам, наконец, удалось взять верх и загнать венгров в их лагерь, где они, «оглушенные столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасение от волчьих зубов» [3, с. 202].

После битвы на реке Шайо организованное сопротивление венгров прекратилось, и монголы рассыпались по стране облавой, захватывая города и села и истребляя людей. Так, рассказывая об уничтожении населения города Пешта, автор отмечает: «они, вышедшие из селения, подожгли его со всех сторон, и тотчас на виду у врагов его поглотило ненасытное пламя» [3, с. 209]. Подобная же участь постигла и остальные города. И, действительно, как следует со слов Фомы «монголы сожгли также Темешвар, Сегед и даже истребили священников местных церквей, поскольку они «лишенные милосердия и человеколюбия, презирали религиозное послушание» [3, с. 210]. Таким образом, весь год монголы разоряли Венгерское королевство, не переходя через Дунай. В этом месте хроники Фома сообщает и о короле Беле IV, который «едва избежав гибели, с немногими людьми ушел в Австрию» [3, с. 214]. Однако, из хроники венгерского каноника Рогерия известно, что австрийский герцог Фридрих Бабенберг вынудил бежавшего к нему короля выплатить от 7 до 10 тысяч марок, занял три западных венгерских области (Шопрон, Мошон, Пожонь) и фактически начал военные действия против венгров у западной границы. Можно предположить, что именно эти обстоятельства вынудили Белу IV со всей семьей задержаться у города Загреба. А уже зимой 1242 г. монголы перешли через реку Дунай и обрушились на ту часть Венгрии, которую еще не успели захватить. Таким образом, Захватив и опустошив Венгрию, монголы стали готовиться к продолжению похода. Отряд хана Кадана, (который, по сообщению автора осаждал Эстергом), был направлен Батыем для преследования короля Белы IV. Последний, как сообщает хронист, «задержался в Трогире, полагая, что там, благодаря близости островов, он получит защиту... и нашел пристанище на близлежащем острове» [3, с. 221]. Как видно из этого сообщения, монголы направились в сторону Адриатического моря, Словении и Хорватии. Но захватить в плен Белу IV Кадану не удалось, так как король «сев на одно судно, поплыл на веслах, осматривая вражеские порядки и выжидая исхода событий» [3, с. 222].

Подводя итог, следует отметить, во-первых, Фома Сплитский рассматривает нашествие монголов на Русь в контексте информации о завоевании ими территории Венгерского королевства, во-вторых, в освещении им событий завоевания монголами Венгрии видна антивенгерская направленность, которая и предопределила позицию архидьякона. «История» архидьякона Фомы интересный и надёжный источник, значительная часть информации которого носит систематический и оригинальный характер, он не основан ни на легендах, ни на литературных заимствованиях и заслуживает доверия у исследователей.

Библиографические ссылки

1. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940.
2. Ледерер Э. Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие // Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 181–202.
3. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М. : Индрик, 1997.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕНГЕРСКО-РУМЫНСКОГО КОНФЛИКТА В ТРАНСИЛЬВАНИИ (ПЕРИОД СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ)

А. П. Сальков

Минск, Белорусский государственный университет, anatsalkov@mail.ru

Венгерско-румынский национально-территориальный конфликт в Трансильвании имеет тысячелетнюю драматичную историю. В балансе этнических (приоритетных) и исторических (подчиненных) аргументов на обладание краем именно историческая аргументация и румынских, и венгерских претензий всегда отличалась особой значимостью. Фактор «исторического права», выведившийся из времен Поздней Античности, был важным

конструктом идентичности и общественного сознания румын и венгров и стал первопричиной ряда судьбоносных тенденций и событий.

Ключевые слова: венгерско-румынский конфликт; Трансильвания; историческая аргументация.

The Hungarian-Romanian national-territorial conflict in Transylvania has a thousand-year dramatic history. In the balance of ethnic (priority) and historical (subordinate) arguments for possession of the territory, it was precisely the historical argumentation of the Romanian and Hungarian claims that always differed with special significance. The factor of «historical law», derived from the times of Late Antiquity, was an important construct of the identity and public consciousness of Romanians and Hungarians, became the root cause of a number of the fateful trends and events.

Keywords: Hungarian-Romanian conflict; Transylvania; historical argument.

Ранние исторические корни конфликта связаны с генезисом государственности Венгерской Короны и вызревaniem идеи Великой Румынии. Трансильванский край (102 тыс. кв. км) имеет собственную длительную историю полиэтнического региона, отразившуюся даже в его названиях. Среди них – Трансильвания (*лат.*), Зибенбюрген (*нем.*), Залесье (*слав.*), Семигород (в IX–XI вв. здесь преобладала славянская этническая стихия, но этот украинский топоним появился гораздо позже), Эрдей (*венг.*), Ардял (*рум.*). Историческая аргументация румынских и венгерских претензий на край столь значима для идентичности и общественного сознания румын и венгров, так подробно разработана их национальными историографиями и настолько глубоко погружается в толщу истории, что требует подробного и адекватного экскурса. Тем более, что в советской источниковедческой разработке трансильванской проблемы, начавшейся в период Второй мировой войны и послевоенного урегулирования, истоки конфликта выводились со времен Римской империи [6, док. 95, с. 356–357].

В румынской культурно-исторической традиции сформировалась возведенная в догму теория о дако-романском континуитете румынского этноса и преемственности румынской государственности Дакийскому царству (82 до н. э. – 106 н. э.) и Римской империи. Римский император Траян в результате двух войн 101–102 и 105–106 гг., проходивших на территории современной Трансильвании и Баната, разгромил дакийского царя Децебала, подчинил его царство и создал римскую провинцию Дакия (106–271) в границах бывшего царства. Как считается в современной румынской историографии, материальная римско-провинциальная культура Дакии сохранила общие черты римского времени и после ухода римлян в 271 г. на юг к Дунаю. Применительно к эпохе переселения народов IV–VII вв. мягко отрицается «непосредственное господство» гуннов над Трансильванией; указывается на подчинение «не очень большой» ее территории гепидам; признается власть авар над равнинной частью Трансильвании, которые, однако, «никогда не расселялись» на ее землях; свидетельствуется рост славянского субстрата в Трансильвании, что объясняется «только согласием новых владык Карпатского региона», причем славяне испытывали «сильное местное влияние» и были ассимилированы в крае. В результате в VIII–IX вв. слово «римлянин» превратилось в «румын», став «единым этнонимом для жителей романских сообществ в Карпатах и по обоим берегам Дуная». Одновременно романский язык преобразовался в румынский [3, с. 39–49, 91, 101, 103, 105–108, 116]. Поэтому в рамках теории дако-романского континуитета румыны объявляются автохтонной нацией, непрерывно проживающей на территории современной Румынии (включая Трансильванию) на протяжении двух тысячелетий, и жестко противопоставляются пришлым венграм (мадьярам) и немцам (саксам) [см. 10].

В венгерской культурно-исторической традиции также делаются отсылки на времена великого переселения народов, и обыгрывается идея родства гуннов и мадьяр. Современная венгерская историография указывает, что вождь гуннов Атилла в 441 г. изгнал римлян из Паннонии и создал там на несколько лет свою державу. Поэтому карпатские завоевания Атиллы дают мадьярам «историческое право» считать себя его наследниками. В 567–568 гг. в Карпатский бассейн с востока вторглись тюркоязычные авары во главе с Баяном, создав полиэтнический Аварский каганат. Это образование в геополитическом смысле, якобы, и стало историческим предшественником венгерской государственности, поскольку в нем впервые за всю историю региона оказались политически объединенными три основные области Карпатского бассейна: Задунавье, Среднедунайская равнина и Трансильвания» [см. 7].

Особый упор делается на «Эпоху завоевания родины на Дунае», в ходе которой кочевые мадьяры под руководством вождя Арпада перешли через Карпаты (896) и на рубеже IX–X вв. расселились в Трансильвании, откуда овладели Паннонией и всем Средним Подунавьем, отбив

эти земли у Первого Болгарского царства. Ассимилируя местных славян и влахов, мадьяры перешли к оседлости. В 1001 г. они создали Венгерское королевство во главе с первым правителем Стефаном (Иштваном) Святым. Через год он без боя интегрировал домадьярский трансильванский воеводат («залесскую землю» или «королевство Эрдевел», достигшее расцвета в середине X в.) в политическую систему раннефеодального венгерского государства, в составе которого Трансильвания сохранила автономный статус [4, с. 37–38, 40–41, 65].

Край управлялся воеводами из числа либо секеев, либо саксов. Секеи (секлеры, секуи) – венгерская субэтническая общность в Трансильвании, выполнявшая функцию воинов-граничар. В конце XI – первой половине XII в. большинство секеев обосновалось в центральной части Трансильвании вдоль пограничной линии королевства. В середине XII в. немецкая колонизация юга Трансильвании вынудила секеев переместиться к востоку края. «Саксонская колонизация» выходцев из долины Мозеля и Саксонии развернулась в исторической области Барцашаг (нем. Бурценланд) в Трансильвании, завершившись к концу XIII в. Немцы построили здесь семь городов-крепостей – Бистриц (венг. Бестерце, рум. Бистрица), Херманштадт (венг. Надьсебен, рум. Сибиу), Клаузенбург (венг. Коложвар, рум. Клуж), Кронштадт (венг. Брашшо, рум. Брашов), Медиаш (венг. Меддьеш, рум. Медиаш), Мюльбах (венг. Сасшебеш, рум. Себеш), Шессбург (венг. Шегешвар, рум. Сигишоара) [см. 9].

Как считают венгерские историки, одновременно с немецкой иммиграцией в Трансильванию с юга начали проникать вlahи. Теория о их дакском происхождении они считают спорной, так как в отличие от славян даки не оставили никаких следов в древней топонимике края. Кроме того, нет данных о существовании в крае вплоть до XIII в. значительного православного субстрата, к каковому и принадлежали даки [4, с. 85].

В ходе монгольского нашествия в Дунайскую котловину (весна 1241 г.), а затем возвращения в восточные степи (весна 1242 г.), кочевники огненным смерчем прошли по Трансильвании. Вызванный этим экономический застой вынудил венгерского короля Белу IV «возродить» Трансильванское герцогство (1257–1270). Отражение местной элитой монгольского нападения на юг герцогства в 1260 г. и нового монгольского нашествия в 1285 г. на уже Трансильванское воеводство укрепило региональную самобытность края и привело к появлению понятия *regnum Transilvanum* – особой «страны» с собственным законодательством и исторической традицией. Когда в 1301 г. прервалась династия Арпадов, в Венгрии произошла регионализация власти. Трансильванский воевода Ласло Кан (1294–1315) взял на себя многие королевские prerogatives и даже конфисковал корону святого Стефана. Кан уступил ее королю Карлу Роберту Анжуйскому, но в обмен на признание своей власти над Трансильванией и Банатом. После смерти воеводы королевские войска оккупировали Трансильванию. Лишь ценной больших уступок она была замирена и возвращена в состав Венгерского королевства, не утратив устремлений к автономии [3, с. 157–162, 165–170].

В румынской литературе указывается, что к XIV в. «румынский народ занимал особое положение..., поскольку только он имел латинские этнолингвистические корни в этом регионе». В Трансильвании же, где «государство и его официальные учреждения со временем делались нерумынскими, постепенно утвердилась венгерская модель, которая имела немецкое происхождение и которая, однако, не сумела полностью вытеснить местные структуры». Период XIV – первой трети XV в. стал для Трансильвании временем стабильности и процветания. Сформировалась политическая система воеводства, базировавшаяся на трех элементах – власть мадьярской знати, саксов и секеев; католицизм, как официальная религия; дискриминация православных румын. В 1437 г. был узаконен Братский союз по совместному управлению Трансильванией мадьярами (возглавляли комитаты), секеями (имели свои административные единицы – семь секейских «престолов») и саксами (девять саксонских «престолов» и два саксонских округа, все вместе объединенные в 1486 г. в «Общину саксов»). В 1500 г. Братский союз стал Союзом трех наций (Триединый союз), просуществовавшим до 1918 г. [3, с. 210–211, 219–220, 249–252].

История Трансильвании середины XV в. в первый раз в Раннее Новое время тесно переплела мадьярский и валашский факторы. События были связаны с именем венгерского национального героя Яноша Хуняди (в румынской традиции – Янку де Хунедоара) из венгерских дворян валашского или сербского происхождения округа Хацег графства Хуняд в сопредельной южнотрансильванско-валашской зоне. Янош Хуняди (1441–1446 – воевода

Трансильвании, 1446–1456 – наместник Венгерского королевства) нанес туркам ряд поражений, замедлив их экспансию. Накануне внезапной смерти от чумы Янош Хуняди передал своему антиосманскому союзнику, но личному врагу Владу III Дрэгуля по прозвищу Цепеш (Янош сверг его с валашского престола и казнил его отца и брата) полномочия и деньги для обеспечения безопасности юга Трансильвании. Однако Влад воспользовался ими для своего второго занятия престола господаря Валахии (1456), помощи Штефану Великому в занятии престола господаря Молдавии (1457) и проведения жестоких карательных мер в Трансильвании (1457–1460).

Венгерский король Матяш (Матвей) Хуняди Корвин (1458–1490), сын Яноша Хуняди и уроженец трансильванского Коложвара, восстановил венгерскую государственность и даже выдвинул идею единой Дунайской монархии. Правя твердой рукой, он подавил восстание в Трансильвании (1467), вызванное суровыми фискальными мерами. При нем началось возвышение трансильванских магнатских родов Запольяи и Батори. После исторического поражения от Порты в битве при Мохаче в 1526 г. (трансильванцы уклонились от участия в ней) Венгрия не только утратила положение великой державы, но и окончательно лишилась в 1541 г. независимости. Она была разделена на три части: Королевскую Венгрию Габсбургов, Османскую Венгрию (Будайский эялет, 1526/1541–1686/1711), Восточно-Венгерское королевство (1529–1570). Последнее было создано трансильванским воеводой Яношем Запольяи (1529–1540 – трансильванский князь и венгерский король Иоанн I). При короле Яноше II Жигмонде Запольяи (1540–1570) в Трансильвании окончательно сложилась система «трех политических наций» и «четырёх признанных религий» периода Реформации, а сам он последовательно принадлежал ко всем четырем конфессиям: родившись католиком, потом перешел в лютеранство, кальвинизм и, наконец, в униатство. После 1541 г. княжество получило от османов статус государства-данника. Габсбурги, ссылаясь на право наследников венгерской короны, попытались захватить Трансильванию, которая даже находилась в их руках в 1551–1556 гг. Однако она сумела, подобно Валахии и Молдавии, отстоять свою автономию. Янош II Жигмонд отказался от королевского титула в пользу Габсбургов, но остался в 1570–1571 гг. «князем Трансильвании и частей Венгрии (Парциума)» [5, с. 54–64, 68–73, 89–92].

В 1571 г. Восточно-Венгерское королевство разделилось на княжество Трансильванию (включая Банат) и герцогство Парциум (*венг.* Ресек, *слав.* Затисье, в составе Кришаны и Марамуреша). Трансильвания была выборной сословно-представительной монархией, являвшейся до 1602 г. вассалом Порты. Столицей княжества в 1571–1692 гг. был Дьбюлафехервар (*рум.* Алба-Юлия, *слав.* Балград, *нем.* Карлсбург), в 1692–1711 гг. – Надьсебен (*рум.* Сибиу, *нем.* Херманштадт). Население Трансильвании к концу XVI в. составляло более 1 млн человек. В его этнической структуре преобладали венгры (560 тыс.), были представлены влахи (330 тыс.), саксонцы (90 тыс.). Образование княжества Трансильвания совпало со сменой династии – к власти пришел венгерский (секейский) магнатский род Батори (1571–1602). Сын трансильванского воеводы Стефан Баторий был трансильванским князем (1571–1576). С его избранием королем Польши и Великим князем Литовским имела место личная уния между Речью Посполитой и Трансильванией. При дворе в Кракове появилась особая канцелярия по делам Трансильвании.

Дунайские княжества Валахия и Молдавия занимали в Османском султанате особое положение – они сохраняли свою государственность, хотя и в урезанном виде. Процесс же их османского завоевания растянулся на десятилетия, не поддаваясь точной датировке. Реальная власть Порты над Валахией утвердилась в середине XV в., над Молдавией – в середине XVI в. Поэтому их господа и высшее духовенство искали внешней опоры в Венгрии, Польше, у Габсбургов. Два важных события самым пагубным образом повлияли на их противостояние с османами. В 1475 г. султанские войска высадились в Крыму, превратив Крымское ханство в преданного вассала. В 1526 г. после битвы при Мохаче распалось самостоятельное Венгерское королевство [1, с. 178–179].

На рубеже XVI–XVII вв. Трансильвания во второй раз в Раннее Новое время вобрала в свою историю трудноразделимое мадьярское и валашское влияние. В 1594–1595 гг. оформился антиосманский союз Трансильвании, Валахии и Молдавии под главенством трансильванского князя Жигмонда Батори (1581–1599, 1601–1602), объявленного князем трех государств. Однако наиболее активным оказался валашский господарь Михай Храбрый Басараб (1593–1601),

спасший валашскую государственность. В Трансильвании же из-за противоречивой политики Жигмонда Батори с 1597 г. начался кризис власти. Заключив позорный договор с Веней, он отдал престол Габсбургам (апрель – август 1598 г.), но вскоре изгнал их и вернулся к власти. Далее он передал престол своему кузену венгерскому кардиналу Андрашу Батори (март – октябрь 1599 г.). Это вызвало вторжение в Трансильванию объединенных войск габсбургского наместника и Михая Храброго. Собрание сословий в Дьюлафехерваре присягнуло Михая как князю. Порта тоже признала его князем, Вена – только губернатором. Впервые румынский господарь из-за Карпат, Михай Храбрый, стал правителем Трансильвании (ноябрь 1599 – февраль 1601 г., август 1601 г.). Установив в мае 1600 г. свою власть и в Молдавии, он сделался правителем всех трех княжеств с румынским населением и принял титул «господарь Валахии, Трансильвании и всей Молдовы». Личность Михая стала национальным символом румын, достижения – преувеличенным примером создания единого румынского государства, а все его успехи воспринимались как восстановление древней Дакии (сама «Дакия Михая Храброго» была близка к границам современной Румынии). Однако протестантско-католическая трансильванская знать, не желавшая превращения своего княжества в православное румынское государство, равно как и опасавшаяся германизации со стороны Вены, устроила переворот. В третий раз князем стал Жигмонд Батори (март – август 1601 г.). Михай Храбрый разгромил его, но через две недели по пути к столице был убит габсбургским наместником. Жигмонд Батори в четвертый раз занял престол (август 1601 – август 1602 г.), но в итоге был изгнан. В Трансильвании установился режим габсбургской оккупации, который привел к восстанию. Для его подавления господарь Валахии Раду Х Шербан по просьбе Вены ввел в княжество войска. В июле – сентябре 1603 г. валашский господарь во второй раз стоял во главе Трансильвании [см. 11].

В 1604–1606 гг. венгерский (секейский) дворянин Иштван Бочкаи возглавил восстание против австрийцев, прибегнув к помощи турок. Отказавшись от венгерской короны, он стал князем Трансильвании (апрель 1605 – декабрь 1606 г.). По Венскому договору (июнь 1606) со Священной Римской империей, заключенному в условиях Контрреформации и рекатолизации Венгрии, княжество получило религиозную свободу и политическую самостоятельность, а Бочкаи был признан независимым князем. Новый трансильванский князь Габор Батори (1608–1613) даже на время изгнал Раду Х и владел Валахией в декабре 1610 – марте 1611 г. В 1610–1640-х гг. Трансильвания пережила свой золотой век ввиду культурных достижений и веса в международных делах. Порта, считая ее детищем султана Сулеймана Кануни, настаивала на вассалитете. Однако на протяжении XVII в. княжество вело самостоятельную внешнюю политику – подписало договоры с протестантскими державами Англией, Нидерландами, Швецией, стремилось подтвердить право венгерских королей господствовать над Валахией и Молдавией. Была порождена идея о том, что Трансильвании суждено стать основой объединения Венгрии, княжество стало превозносить себя как «единственную сохранившуюся сокровищницу венгерской государственности и культуры» [4, с. 189–190, 209–213].

Трансильванский князь Габор Бетлен (1613–1629), «венгерский Макьявелли», сорвал все усилия немецкого императора присоединить Трансильванию, трижды вел с ним войну, дважды провозглашался королем Венгрии, при нем княжество стало одним из центров европейской историографии. Дьёрдь I Ракоци (1630–1648) также успешно сопротивлялся немецкому давлению, достиг триумфа венгерского протестантизма, при нем княжество достигло вершины экономического процветания. Княжество стало главным оплотом протестантизма и религиозной толерантности в Восточной Европе. В Трансильвании и Османской Венгрии кальвинизм был религией большинства, а в Габсбургской Венгрии католицизм к 1660 г. восстановил свои позиции. Князь Дьёрдь II Ракоци (1648–1660) вел активную политику – стремился подчинить Валахию и Молдавию, блокировался с украинским гетманом Богданом Хмельницким, претендовал на польскую корону (взял Перемышль, Брест-Литовский, Варшаву), но в итоге отказался от всех претензий. Порта после нападения на Трансильванию (1658) создала свой пятый вилайет в Венгрии, нарезав его из территории княжества. После этого наметился его упадок – Габсбурги стали обретать все больший контроль над Трансильванией [см. 8].

Во время долгого правления в Трансильвании султанского ставленника Михая I Апафи (1661–1690) произошло много важных событий. Габсбурги после выигранной войны с Портой заключили слишком мягкий для турок Вашварский мир (1664), которым признавалась

верховная власть султана над Трансильванией. В ходе Великой Турецкой войны Священной лиги с Османским султанатом (1681–1699) после двухмесячной осады Вены турецкими войсками (Трансильвания, Валахия, Молдавия и Крымское ханство были на стороне турок) состоялась Венская битва (12 сентября 1683), в которой победили войска лиги под командованием короля Польского и Великого князя Литовского Яна III Собеского. Последующие события войны обусловили важные явления: приход австрийских войск в Трансильванию (1685); пожалование Трансильвании «Диплома Леопольда I» (16 октября 1690), который определил конституционный статус края вплоть до 1848 г. как самостоятельной провинции Венгерского королевства со своим собственным законодательством, сохранив систему трех «наций» и четырех конфессий; создание Придворной канцелярии Трансильвании (1694) с функциями губернского правительства; укрепление в ходе Контрреформации позиций католической церкви в крае после 100 лет господства кальвинизма. Великая Турецкая война завершилась Карловицким миром (1699), по которому монархия Габсбургов получила от Порты всю Венгрию и Трансильванию (что прекращало независимый статус княжества), превратившись в одну из великих европейских держав [см. 2].

Вскоре Ференц II Ракоци (внук Дьёрдя II Ракоци) возглавил антигабсбургскую национально-освободительную войну венгерского народа (1703–1711), восстановил Трансильванское княжество и стал его последним князем (1704–1711). Война закончилась поражением, однако Сатмарский мир завершил собой столетнюю эпоху пяти венгерских сословных восстаний и дал гарантии автономных прав Венгрии и Трансильвании. На деле Вена установила полный контроль над Трансильванией, князья были заменены губернаторами (Конт, 236–239). Королевская Венгрия после принятия в 1713 г. «Прагматической санкции» (признана Трансильванией только в 1721 г.) окончательно стала частью монархии Габсбургов. В ее рамках Венгрия восстановила свою «историческую территорию», включая автономную Трансильванию, с границами, сохранявшимися до конца Первой мировой войны [5, с. 130–132, 135–141].

Во второй половине XVII – начале XVIII в. в структуре населения Трансильвании венгры составляли 45–50, валахи – 30–40, немцы – 10–15 %. Однако к 1760 г. доля валахов (румын) составляла уже 60–66 %. Их религиозные интересы первоначально выражала православная церковь (в 1377 г. в Трансильвании была образована православная митрополия). Ужгородская уния (1648) для православных Закарпатья и Верхней Венгрии к концу XVII в. была распространена на православное население княжества. Митрополит Трансильвании Афанасий Ангел в 1698 г. принял унию. Это обусловило выход румынских деятелей на политическую сцену края и разработку униатским епископом Трансильвании Иннокентием Мику румынской программы с целью утверждения прав румын быть «сословием» и признанной «нацией». В 1784–1785 гг. прошло мощное социальное движение – Трансильванское крестьянское восстание под руководством Хорьи (Василе Урсу Никола), которое привело к отмене крепостного права. Однако в 1790 г. сословный режим в Трансильвании был восстановлен, что открыло поле деятельности для нового поколения румынских деятелей в крае, выросшего в условиях йозефинизма и Просвещения. Ими была разработана надконфессиональная национальная программа *Supplex Libellus Valachorum* («Ходатайство валахской нации») (1791–1792). Программа предусматривала наделение трансильванских румын всей полнотой гражданских прав и признание их четвертой официальной нацией, но их положение осталось неизменным, так как программа была отклонена [см. 12].

Значительное влияние на этнокультурное развитие всех румын, включая Валахию и Молдавию, во второй половине XVIII – XIX в. оказала «Трансильванская (Ардяльская) школа» – культурно-просветительское движение румынской униатской интеллигенции. Ее представители (Самуил Мику-Клейн, Георге Шинкай, Йон Будай-Деляну, Петру Майор) внесли большой вклад в становление румынского языка (хотя и чрезмерно латинизируя его) и разработку истории румын (связывалась с истоками возникновения римской цивилизации) [1, с. 227–229]. Представители «привилегированных наций» в свою очередь также использовали в качестве оружия историю, активно оспаривая древность румынского этноса и непрерывность его проживания в Трансильвании.

В конце XVIII – начале XX в. сложился целый комплекс венгерско-румынских национально-территориальных противоречий, который привел к результатам урегулирования по

итогах двух мировых войн – вся Трансильвания, не взирая на венгерские этнические параметры ее отдельных регионов, отошла Румынии.

Библиографические ссылки

1. История Балкан. Век восемнадцатый. М. : Наука, 2004.
2. История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. М. : Вост. лит., 2006. Т. 1: История Османского государства и общества.
3. История Румынии. М. : Весь мир, 2005.
4. Контлер Ласло. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М. : Весь мир, 2002.
5. Краткая история Венгрии: с древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 1991.
6. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М. : РОССПЭН, 2000.
7. History of Transylvania: in 3 vol. Vol. 1: From the Beginnings to 1606. New York : Columbia University Press, 2001.
8. History of Transylvania: in 3 vol. Vol. 2: From 1606 to 1830. New York : Columbia University Press, 2002.
9. Pop I.-A., Ioan B. Istoria Transilvaniei. Cluj-Napoca : Eikon, 2013.
10. The History of Transylvania: vol. 1–3. Vol. 1: Until 1541. Cluj-Napoca : Romanian Cultural Institute, 2005.
11. The History of Transylvania: vol. 1–3. Vol. 2: From 1541 to 1711. Cluj-Napoca : Romanian Cultural Institute, 2009.
12. The History of Transylvania: vol. 1–3. Vol. 3: From 1711 to 1918. Cluj-Napoca : Romanian Cultural Institute, 2010.

ВЗГЛЯД ИЗ XXI В.: КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Е. Д. Смирнова

Минск, Белорусский государственный университет, Smirnova@bsu.by

Выявлены основные продукты питания средневековой Европы (X–XV вв.), рассмотрены модели питания отдельных сословий. Показано, что социальные различия выражались не только в количественном, сколько в качественном потреблении пищи.

Ключевые слова: Средние века; христианская Европа; сословия; модели питания.

Here is revealed the main foodstuff of medieval Europe (X–XV cent.) and considered the models of nutrition of the separate estates. It is shown that the social differences appeared not so much in quantitative as in qualitative food consumption.

Keywords: The Middle Ages; Christian Europe; Estates; the models of Nutrition.

Одним из перспективных направлений историко-антропологических исследований современной медиевистики является история питания. Интерес к ней обострился в последние десятилетия и, очевидно, вызван общим интересом к исследованиям в области истории повседневной жизни, сюжетам микроистории, частной жизни и вообще поворотом к Человеку – не только к его миру чувств и переживаний, но и к его бытовой истории, гастрономическим запросам. Исследуемый нами сюжет широко обсуждался в европейской историографии [4, 5, 6, 7]. И, вероятно, далеко не случайно, что в Руане (1992), Прато (1997) и Москве (1998) в свое время прошли представительные научные конференции, посвященные изучению этой темы.

Система питания средневекового Запада начала складываться в V–VI вв., когда в результате крушения Римской империи и смешения народов и культур, начинает формироваться единый христианский мир и общий, понятный большинству европейцев, «язык» питания – продукт синтеза двух традиционных моделей питания – «средиземноморской» (характерной для греко-римской культуры) и «варварской», привнесенной на территорию бывшей Римской империи германцами.

Символом средиземноморской модели считался хлеб [в силу того, что основой греко-римской системы хозяйства являлись земледелие и садоводство], а главными продуктами потребления – зерновые культуры, виноградное вино и оливковое масло. Тогда как символом «варварской» модели питания стало мясо, поскольку для хозяйственной жизни германцев были характерны охота, разведение скота и рыболовство. И, соответственно, не хлеб, а мясо стало их главной пищей. Разумеется, римляне тоже ели мясо, а германцы — ячменные лепешки, но речь